

Марица Дойчева

МЕЛОДРАМА

Истории любви

Марица Дойчева
Мелодрама. Истории любви

«Издательские решения»

Дойчева М.

Мелодрама. Истории любви / М. Дойчева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903485-4

Непридуманные истории из жизни наших современниц. Разные судьбы, разные характеры. И в то же время одна общая черта. Живое ощущение радости бытия!

ISBN 978-5-44-903485-4

© Дойчева М.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Предисловие	7
МЕЛОДРАМА	9
Часть 1	10
Часть 2	12
Часть 3	14
Часть 4	16
Часть 5	21
Часть 6	24
Часть 7	27
Часть 8	29
Часть 9	31
Часть 10	33
Часть 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мелодрама Истории любви

Марица Дойчева

© Марица Дойчева, 2018

ISBN 978-5-4490-3485-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

События нашей жизни вписаны в книгу судьбы каждого из нас. Жаль, что текст этот написан не мелом, а страницы – не школьная доска, где можно все исправить. К сожалению, наши ошибки невозможно стереть из прошлого, остается только подчеркнуть самое важное и подумать о том, как сложится дальнейшее повествование. В книге, которую Вы держите в руках, три судьбы. Три жизненных истории, такие разные, и такие похожие. В каждой истории – бесценный жизненный опыт, умение бороться и побеждать, радоваться и преодолевать трудности. Авторы делятся с Вами самым личным – своим собственным миром, и возможно, Вы заметите, как много в нем сходства с Вашим.

Предисловие

Мелодично шелкнула сигнализация машины. До назначенной встречи с подругами у Ольги оставалось около получаса, и она решила прогуляться до кафе по живописной мощеной улочке. Приветливое осеннее солнце отражалось в многочисленных витринах магазинов, и солнечные зайчики то и дело мелькали на тротуаре. Ольга обожала красивые вещи, и потому, ни один из расположенных на улочке бутиков не был обделен ее вниманием. Конечно, она не была «шопоголиком» и к покупкам подходила рационально, но отказать себе в эстетическом удовольствии созерцать этот красочный мир потребительских возможностей она не могла, тем более, что это был замечательный способ поднять настроение. В последние годы у нее было достаточно времени для забот о себе, доме и детях. Ей было удивительно комфортно и приятно вести образ жизни обеспеченной домохозяйки, однако что-то не давало ей насладиться этим состоянием в полной мере, какая-то часть ее личности постоянно сопротивлялась, напоминая ей, что жить за счет мужа не хорошо, что женщина должна быть самостоятельной. Успешной, деятельной, по характеру предприимчивой, ей было нелегко бороться с амбициями, ей хотелось сделать карьеру, найти интересное дело. Однако как только перед ней открывалась возможность что-либо изменить, в Ольге просыпался страх потерять то, чем она так дорожила – любовь близких, размеренную и спокойную жизнь, семейное счастье... Люба уже ожидала подруг в кафе. Обладая природной пунктуальностью, она, как всегда, приехала раньше всех и уже удобно устроилась за столиком возле окна. Днем в заведении было немногочленно, стоял ароматный запах кофе и свежей выпечки. Ольга и Мария вот-вот должны были появиться. Взяв в руки симпатичную кофейную чашку, Любаша принялась ее разглядывать. Ее всегда притягивала дорогая посуда, изящные декорированные сервизы, которые словно кричали о том, что настоящий семейный обед – это блеск изысканного фарфора, а не звон эмалированных кастрюль. От семейных вечеров Люба уже порядком подустала, последние несколько лет занимаясь исключительно домом и детьми. Теперь ей хотелось большего – карьеры, интересной работы, увлекательной и наполненной событиями жизни. Иногда она просто чувствовала себя несчастной Золушкой, закруженной в бесконечной череде бытовых забот, а ведь ей так хотелось на бал... Звонок мобильного телефона превратил бальное платье в повседневные джинсы и вернул ее к реальности. Это была Ольга, которая оптимистично сообщила, что с минуты на минуту будет в кафе. Оставалось дожидаться только Машу, которая, будучи погруженной в кипучую деловую активность, жила в каком-то невероятном ритме. Всем казалось, что в ее сутках, как минимум, тридцать шесть часов вместо положенных всем двадцати четырех, иначе остается необъяснимым, как она все успевает. У Марии затянулась деловая встреча и теперь, вспоминая о том, что обещала подругам приехать вовремя, она испытывала муки совести. Тем более, что сегодня речь шла о чем-то большем, чем просто дружеские посиделки. Идея, которая давно занимала мысли всех трех подруг, получила, наконец, шанс воплотиться в жизнь. Мария привыкла к постоянному цейтноту – практически все свое личное время она посвящала организации выставок, воплощению в жизнь различных проектов, работе над диссертацией. Дети давно выросли и стали самостоятельными, мужа уже не было в живых, поэтому пустоту, образовавшуюся в душе, необходимо было чем-то заполнить. В подобных обстоятельствах многие теряют к жизни интерес, замыкаются в себе, страдают депрессией, а Мария нашла иной выход, с головой погрузившись в работу. В ней появилось желание творить, созидать, добиваться практического результата. Ей нравилась публичность, а уж положительная оценка окружающих была просто необходима. Это похоже на комплекс «отличницы» – неременное желание получить одобрение, соответствовать признанным стандартам, поступать правильно. Маша остановила такси и глянула на часы. «Если не будет пробок, опоздаю минут

на пятнадцать», – подумала она и захлопнула дверь автомобиля. Маша понимала, что времени у них будет маловато, а ведь столько нужно успеть обсудить! Последние несколько месяцев они вместе работали над книгой, в которой воплотились их «женские истории». Им удалось собрать все факты, события и краски их жизни, слить их воедино, наполнив женской мудростью и жизненным опытом. Ей до сих пор не верилось, что эта колоссальная работа подошла к концу, и книга скоро увидит свет. Машина остановилась у входа в кафе, Мария вышла, и сразу заметила Ольгу и Любу за столиком у окна. Улыбнувшись и махнув подругам рукой, она подумала: «Наверное, только хорошие девочки ведут дневники, у плохих просто не хватает для этого времени...»

МЕЛОДРАМА ПЕРВАЯ

Часть 1

Я обернулась, рассматривая зал. Нас было больше ста человек, таких разных и чем-то похожих. Все эти люди пришли сюда решить насущные, неразрешимые, на их взгляд, проблемы, наивно полагая, что здесь их научат, как поступать, и дадут универсальные рецепты счастья. Я тоже здесь не случайно. Поиск душевного равновесия и попытки навести порядок в собственных мыслях и чувствах привели меня именно сюда, на психологический тренинг. Впервые о подобных программах я узнала, когда находилась в отпуске по уходу за моим вторым ребенком. Репетитор по русскому языку, которая приходила к старшему сыну, уже прошла такой тренинг. Обычно наше общение сводилось к обсуждению успехов детей и школьных событий, меня не особенно интересовала ее жизнь. Однажды все-таки мы разговорились, и я искренне удивилась тому, сколько у этой женщины энергии, желания идти вперед, познавать жизнь, творить и добиваться успеха. Рассказав ей о том, как хочется мне изменить свою жизнь, я получила листок бумаги с информацией о тренинге, адресом и телефоном. У меня, конечно, тут же возникло желание посетить занятие как можно скорее, и желание это мистически осуществилось: программа начиналась уже со следующей недели. В тот день большая аудитория местного Дворца культуры была переполнена людьми. Обстановка зала, несмотря на свою убогость, меня не смущала, ведь я пришла открывать для себя что-то новое. Тренинг был посвящен человеческому взаимопониманию, которое отсутствовало в жизни большинства присутствующих. Собравшиеся люди смотрели друг на друга оценивающе и настороженно. Среди них были бизнес-леди, жены богатых мужей, предприниматели, специалисты, безработные... Словом, в одном месте собрались те, кого объединяло только одно – наличие трудноразрешимых жизненных проблем. Многие хотели просто разобраться в себе, некоторые пришли по совету друзей и знакомых, на судьбы которых повлияли подобные программы. Конечно, я принялась рассматривать окружающих, и не найдя знакомых лиц, просто выделила для себя людей, с которыми хотела бы общаться, а также тех, кто был мне просто неприятен. Особенно мне понравилась ведущая, очень ухоженная и стильная женщина, обладающая каким-то природным магнетизмом. На нее было приятно смотреть, хотелось ее слушать и доверять ей. Вскоре народ потянуло на откровения. Видимо, открытость и честность порождают ответную реакцию. Люди просто вставали из зала и говорили, кто они, зачем пришли, какие задачи и цели поставили перед собой. Рассказала и я. Рассказала о переживаниях за будущее старшего сына, о моем страхе за него. Мне казалось, что он еще не готов к этой взрослой жизни, которая ждет его очень скоро, я боялась, что так и буду «тащить» его на себе, содержать и помогать ему... Эти эмоции сопровождались нервными потрясениями, стрессами. Я устраивала скандалы мужу по поводу его «поздних», на мой взгляд, возвращений домой, придумывала его «личную жизнь», не связанную со мной, детьми и домом. Мне не нравилось общение мужа с приятелями, которые вели холостяцкий образ жизни. Все это нарушало мое душевное равновесие. Позже я начала выпивать, чтобы крепость напитка соответствовала моему душевному состоянию. Я могла сутками не разговаривать, чтобы проучить мужа и доказать свою правоту, тем самым навязывая ему свои правила поведения. Словом, жила и боролась с придуманными мной страхами и проблемами. Я пришла на тренинг, чтобы избавиться от стереотипов, от этой способности к негативному мышлению. С каждым часом все больше людей раскрывалось, выходило и говорило о наболевшем, о том, что мешает каждому проживать радостно и счастливо каждую минуту отпущенную нам жизнью. Странно, но все, что говорили участники тренинга, сводилось к определенным страхам, неуверенности в себе, недоверию к окружающим, стереотипам и комплексам, полученным в далеком детстве от родителей. Родители даются нам богом и не выбираются. Ты появляешься в определенной семье, в определенном

месте и в определенный час. Мои родители хотели моего появления на свет, я была желанным ребенком, плодом их любви. Поженились они в мае 1970-го. Маме было девятнадцать лет, папе – двадцать один. Она – ученица педагогического училища, он – музыкант военного оркестра. Они познакомились на вечере. Оба были молоды, красивы и сразу полюбили друг друга. Через девять месяцев после свадьбы появилась я. Жизнь молодых не была безоблачной, скорее она представляла собой борьбу двух совершенно разных характеров. Мама знала, что отец выпивает, но в ней всегда жила надежда на то, что сможет его изменить, что с ней он станет совсем другим – ответственным, любящим, заботливым. Только настоящее чувство может сделать женщину настолько наивной. Люди не меняются, более того, мальчики повторяют жизнь своих отцов. Мама в то время жила в общежитии. Ее отцу после смерти жены сразу нашли невесту, поэтому мама вместе со старшей сестрой перебралась в общежитие и только изредка навещала отца и младшего брата. Мне кажется, маме было необходимо не столько замужество, сколько присутствие родного и близкого человека рядом. До моего рождения многие конфликты заканчивались угрозой аборта. Наверное, ребенок еще в чреве матери все чувствует и переживает вместе с ней, мне передавались все ее страхи. Видимо, Богу нужно было мое появление на свет, раз я выжила, родившись с пуповиной на шее и синеватой кожей. Первые годы жизни выдались беспокойными – я часто болела, лежала в больницах вместе с мамой. Это сейчас, когда у меня в 33 года трое детей, я понимаю, что болезнь каждого из них – это результат взаимоотношений между родителями. Ребенок, как индикатор, чувствует все биоритмы, потоки энергии, все ваши мысли и желания. Для того чтобы малыш был спокойным и здоровым, необходимо в течение всей беременности ощущать себя нужной, значимой и любимой, передавая эти чувства будущему ребенку

Часть 2

Отец меня очень любил. Он заботился обо мне. Воспитывал меня быть аккуратной и чистоплотной. Еще он часто устраивал «чистку» в ящиках. Дети всегда думают, что все эти бесполезные вещи, припрятанные ими в шкафах, чрезвычайно нужны. А вот когда это «нужное» выбрасывает кто-то другой, то потом даже и не вспомнишь, что именно у тебя исчезло... Это я проверила на собственных детях, которые сами не могли расстаться со всеми этими штучками пробками, этикетками, наклейками и прочей мелочью. Отец считал, что порядок должен быть всегда и везде: на полках, в игрушках, в комнате. Даже мыть обувь он научил меня с раннего детства. Я помню себя лет с четырех-пяти. Остальные факты всплывают в памяти только по рассказам родителей, близких, по старым фотографиям. Самые яркие воспоминания – это праздники в детском саду. Конечно, самый лучший из них – Новый год. Я всегда была снежинкой. Может, потому, что тогда не было особого выбора костюмов, а может, маме просто катастрофически не хватало времени – костюм всегда готовился в последнюю ночь перед карнавалом. Мне казалось, что мой наряд самый красивый. Это было белое платье, обшито блестками и стеклярусом, белые носочки, туфельки и небольшая корона. Все детки тогда выглядели как многочисленные близнецы: девочки снежинки, мальчики-зайчики. Праздники в садике проводились на голом энтузиазме персонала. Воспитатели и нянечки превращались чудесным образом и в Деда Мороза, и Снегурочку, и даже в Бабу Ягу. Потом наступал момент, которого дети ждали, наверное, даже больше, чем сам праздник. Все получали подарки, в которых непременно были конфеты, яблоки и мандарины. Собиралась эта «радость» большими усилиями родителей, которым приходилось бегать по подсобкам знакомых продавцов или, в крайнем случае, довольствоваться выброшенным на прилавки дефицитом. Тогда было трудно представить, что люди будут есть мандарины и шоколадные конфеты не только под Новый год, но и просто, когда им захочется поставить на стол что-то к чаю. С детства я хорошо помню вкус конфет-карамельек с различными наполнителями из варенья. Шоколадные конфеты или плитка шоколада появлялись настолько редко, что даже забывалось, как это вкусно. Мы жили в военном городке, и, бывало, в магазинах появлялась различная вкуснятина. Правда, прежде чем попасть на витрину простым покупателям, все это разбиралось продавцами еще под прилавком, «для своих». Однажды к маме приехал родной брат. Он привез с собой жену и шоколадные конфеты. «Мишка на севере» и «Ананасные» торжественно были выставлены к чаю. Когда я зашла в зал и увидела, что кто-то разворачивает конфету и кладет ее в рот, то не удержалась и по-детски выразила свое негодование: «А конфеты все едят и едят...». Наверное, поэтому сейчас, когда в магазинах есть все, именно под Новый год мы любим покупать разные деликатесы, словно восполняя нехватку из детства. Чем старше я становилась, тем больше проявлялся мой артистизм. На очередной Новый год я уже была не простой снежинкой, а Снегурочкой – у меня была роль со словами и песенкой. Не знаю, действительно ли во мне видели талант, или это была просьба моей мамы, которая работала в садике. Именно благодаря последнему обстоятельству, привилегий у меня было больше, чем у других. Я могла не спать в сон-час, гулять с маминой группой и даже не все есть во время обеда. Отношение нянечек и остального персонала также отличалось, хотя в те времена трудно было пожаловаться на непрофессионализм сотрудников. Работать шли по призванию, не выбирая теплое место и большой заработок. В садике со мной случилась первая любовь. Это был не тот физиологический интерес, когда выясняется, чем девочки отличаются от мальчиков. Это был интерес к другому человеку. Его звали Александр. Он защищал меня от обидчиков, ставил свой стул рядом на коллективных мероприятиях, а когда кто-то из нас болел, то к умилению взрослых, мы очень скучали друг по другу. Однажды мы отправились играть в рошу.

Но не в прятки, а в дочки-матери. Я была чьей-то женой, и даже пробовала целоваться. Игра всем очень понравилась и затянулась до позднего вечера, когда нас уже разыскивали напуганные родители. Тогда мне в первый раз попало, меня держали за руку и били по заднице, а я, пытаясь избежать наказания, бегала по кругу. Второй раз в жизни мне крепко досталось, когда я села прокатиться на мопед к какому-то парню из нашего городка. Я даже видела, что он чей-то знакомый, но это не стало весомым аргументом для моей мамы. Тогда никто не говорил об изнасилованиях или о других преступлениях сексуального характера. Девочке и в голову не приходило, что ее могут обидеть каким-то другим способом, кроме порки ремнем родителями. Разговоров с мамой на «запретные» темы не заводилось. Тогда мое катание на мопеде завершилось тем, что я снова бегала по комнате от мамы, которая лупила меня ремнем, где попало. Возможно после обстоятельного разговора и объяснения того, чем чреваты подобные ситуации, до меня бы все дошло быстрее, но родители либо не могли найти подходящих слов, либо просто не считали это необходимым. Однажды такое «незнание» чуть не сыграло роковую роль. Вечером меня отправили в дежурный магазин, за хлебом. Возвращаясь обратно и глаза по сторонам, я заметила мужчину, который подозвал меня и попросил подержать открытой дверь в подвальное помещение. Пробыв там несколько минут, он поднялся и сказал, что нужно спуститься и подержать дверь в самом подвале. Я всегда слушалась старших и уже собралась идти вниз с незнакомцем, но, вспомнив, что дома ждут хлеб, отказалась. Мужчина начал тянуть за рукав, уговаривая. Это насторожило и разозлило меня. Я не любила делать то, чего не хочу, а тем более под давлением чужого человека. Я отпрянула назад и поспешила домой, где все рассказала родителям. Заметив беспокойство домашних, я вдруг поняла, что могло произойти что-то плохое, страшное. Еще долго потом я боялась незнакомых мужчин и даже с отцом была настороже. Взрослея, я понимала, что различие полов – это какая-то закрытая, запрещенная тема, и дома она не обсуждается. Наготу мне приходилось наблюдать только в бане, куда меня водила мама. Эта новая, незнакомая сторона жизни притягивала, я с любопытством рассматривала голых женщин разной комплекции, за что постоянно получала нарекания от мамы. В парилке я всегда стояла возле входа, так было удобней вышмыгнуть, когда становилось не по себе, ведь русская парная не для слабых, особенно когда плескают на каменку. После бани мне нравилось гулять на свежем воздухе, особенно зимой. Хотелось дышать всей грудью и даже не просто дышать, а наполнять свежестью каждую клеточку своего тела. Дорога из бани была долгой, и у нас с мамой появлялась возможность поговорить. Мы шли, не спеша, по скрипящему снегу и разговаривали. Мне нравилось рассказывать обо всем, и я не боялась, что меня могут наказать или отругать, я всегда знала, что мама – моя лучшая подруга. Даже если маму что-то настораживало, она никогда не подавала виду. С возрастом начинаешь понимать, что родителей нужно беречь и говорить им следует не все. Но кто еще сможет лучше поддержать, если не мама? Когда дети еще маленькие, вся жизнь матери состоит из постоянных переживаний о том, как бы с ними ничего не случилось. Даже понимая, что надо мыслить позитивно и создавать положительные эмоции, постоянно ловишь себя на дурацких ожиданиях всяких несчастий. Позитивному мышлению надо учиться всю жизнь, заполняя свое время настолько, чтобы не оставалось места на необоснованные фантазии. Можно пробыть с ребенком целый день и не дать ему ничего, а можно провести час, чтобы за это время отдать ему максимум любви, тепла, понимания, опыта.

Часть 3

Первого сентября меня с модной прической «сэссон» и огромным бантом на голове проводили на школьную линейку. Звонок колокольчика обозначил начало новой, самостоятельной жизни. Оказавшись в окружении знакомых по садике ребят, я чувствовала себя «в своей тарелке». Нина Петровна – первая учительница – стала для нашего класса второй мамой, которая не только старательно прививала детям любовь к знаниям, но и дарила свою заботу и участие. Я ее очень любила и считала, что если бы все учителя были такими, у детей не пропадало бы желание ходить в школу. Я была почти отличницей, мне нравилось учиться, и ничто, кроме правописания, не вызывало трудностей. Видимо, это передается по наследству, потому что почерк родителей тоже сложно было назвать каллиграфическим. Поскольку в советской школе было принято почерк «ставить», меня, несчастную, заставляли работать над ним снова и снова. Доказательством моего упорства и трудолюбия стала мозоль на правой руке, и только. Слова я прописывала аккуратно, но не красиво. Самые большие трудности, как оказалось, ждали меня впереди. Очень скоро отношение одноклассников ко мне изменилось, причем кардинально. Видимо, мне доставалось за то, что я «звездила» последние годы в садике была девочкой, за которой многие ухаживали. Теперь вместо обожания, мне приходилось получать пинки, задиранья, усмешки. Возможно, причиной множества детских обид стало раннее взросление. Группа, даже если она состоит из детей, не терпит тех, кто не похож на основную массу ее представителей. Отличаясь от сверстников, я невольно превращалась в объект постоянных насмешек. «Давать сдачи» я не умела. Не было тогда секций для девочек, где их учили самозащите, не было психологов, чтобы подсказать, как вести себя в таких ситуациях. Я так и не научилась бороться, и все больше привыкала принимать и терпеть. На построении во время уроков физкультуры я была третьей после Лены и Юли. У них уже начала расти грудь, они были крупными, рослыми. Уроки, где все дети должны быть в трусах и майках, вызывали у меня чувство неприязни, нежелания туда идти и, тем более, показывать какие-то рекорды по лазанью на канате, прыжкам в длину, высоте, метанию или бегу на время!.. Это казалось мне полным абсурдом. Вместо того чтобы расти здоровыми и жизнерадостными, дети приобретали в школе психологические комплексы. Ведь все, что нужно было дать девочкам – это научить правильно ходить, двигаться, держать мышечный тонус. А мальчикам – силовую подготовку и навыки самозащиты. К счастью, об этом наконец-то задумались те люди, которые успели ощутить на себе все «прелести» школьной жизни, и, повзрослев, попытались хоть что-то изменить для нового поколения школьников. Но сколько же еще пройдет времени, прежде чем мальчишки и девочки научатся видеть и уважать в другом человеке личность? Не одно поколение сменится, пока мы вложим это в своих детей, а они уже будут учить своих. Необходимо в любом человеке с детства закладывать любовь. Любить своих детей, а не просто ждать от них выполнения наложенных обязательств. Любить уже потому, что они у нас есть. Принцип безусловного «принятия» должен быть основным в воспитании. В школе же все бывает наоборот, если ты не такой как все, то ты – белая ворона. До десяти лет тема полового созревания, интимности со мной не обсуждалась. Лишь когда я стала физически взрослой, мама объяснила мне, что со мной происходит, и почему это бывает. Гораздо чаще разговоры о физической любви заводились в кругу сверстников и ребят постарше. Детали этой другой, взрослой жизни редко описывались правильно, скорее были во многом искажены. Такие рассказы вызывали у меня лишь чувство брезгливости, ощущение, что прикоснулся к чему-то грязному, гадкому, а замечая ужимки взрослых, отвечающих на подобные вопросы, я вообще начинала представлять себе жуткие вещи. Ну почему, вместо того, чтобы донести до ребенка акую информацию в доступной его возрасту форме, мы начинаем стесняться, отговариваться

и уходить от ответа. Половым воспитанием детей, также как и любым другим – нравственным, интеллектуальным, надо заниматься. Как только ваш ребенок начинает чем-то интересоваться, задавать вопросы, благоразумнее постараться дать ему адекватное объяснение. Очень важно не упустить тот самый момент доверия, когда еще формирование маленького человека зависит от самых близких ему людей. Со мной так не занимались. Темы секса, интимной жизни оставались для меня нераскрытыми лет до восемнадцати. Конечно, в школе преподавали предметы, прямо или косвенно затрагивающие эту сторону жизни, но их преподавали такие же взрослые, которые всего стеснялись, вызывая среди учеников неловкость и смех, как повод закрыться от подобных тем. Очень скоро отца перевели в другую военную часть, за границу. Узнав о том, что нам предстоит переехать в другой город, я была несказанно рада. Я понимала, что там никто не знает, какой я была, новым одноклассникам не с чем будет сравнивать, и меня примут такой, какая я есть. Итак, мы уехали жить за границу, а туда отправляли не каждого. Наш класс состоял из образцовых девочек и мальчиков, родители которых были благополучны, потому что боялись обратной отправки в СССР. Тех мальчиков и девочек воспитывали как дипломатов, умеющих достойно выйти из любых передраг. Учителя, конечно, составляли цвет всей русской системы образования. Там я была счастлива. Видимо, Бог вознаградил меня теми счастливыми моментами жизни за пережитые страдания.

Часть 4

Заграница – это сказка наяву, особенно когда попадаешь туда из бывшего, не выездного СССР. Прошло уже очень много лет, но я до сих пор помню те ощущения, которые я испытала в момент нашего приезда. Мы сошли с поезда, и я была поражена обилием ярко-одетых людей, свободно говоривших на другом языке. Переехали мы где-то в начале декабря. Зима там не была похожа на нашу – погода была влажная, везде слякоть. Одетая в добротное пальто темно-зеленого цвета с каракулевым воротником, я стояла в своих неуклюжих рыжих сапогах и смотрела на людей, совершенно не похожих на нас. Мне казалось, что все эти люди одеты, как в журнале, хотя и журналов таких не было. Жители СССР были полностью изолированы от влияния Запада, и об этой, другой жизни не знали ничего, кроме термина «загнивающий капитализм». Каково же было мое удивление, когда я увидела такое «загнивание»! А ведь это была страна социалистического лагеря. Перед отъездом мне часто снились сны, что дома в новом городе цветные – розовые, желтые, сиреневые. На самом деле, все дома были серые, но улицы чистые, без грязи и мусора на них. Поражало обилие витрин, которые просто пестрели изобилием. Все это было невероятным. Когда мы приехали в военный городок, то сразу пошли в магазин. Как оказалось, даже внутри закрытого городка магазины имели такой ассортимент продуктов, который нам и не снился. В родном городе, при нашем развитом социализме, мне такого видеть не доводилось. Полки ломились от изобилия: колбасы, сыры, кетчупы, джемы, конфитюры, хлебные изделия, сладости. Хотелось купить все и сразу же попробовать, поэтому был устроен настоящий пир. Наш дом представлял из себя здание барачного типа, разделенное на две половины. В каждой части дома жили по три семьи, состоявшие, как минимум, из трех человек. Настоящая коммуналка за «кордоном» предполагала большую кухню, два туалета и ванную с «титаном». В городе стояло четыре таких барака, где проживали младшие офицеры или технический персонал, все с семьями. Была и другая часть городка, где жили офицеры. Это были пятиэтажки, с отдельными двух-трех комнатными квартирами, обитатели которых дружили, в основном, между собой, как и «бараковское общество». В классе подобное различие в глаза не бросалось, но особенно чувствовалось после уроков: каждая из групп шла в свою сторону, и тут уж разделение было четким. К счастью, класс у нас был дружный, нам очень повело с учителями. Классным руководителем была Валентина Андреевна, преподаватель географии. Отличный учитель и очень хороший человек. Предмет знала, любила и вела с интересом. При поступлении в вуз экзамен по географии я сдала на «4», хотя никогда предмет этот не учила, а тем более не занималась зубрежкой. Частенько мы собирались дома у Валентины Андреевны, пили чай, разговаривали, готовились к каким-то мероприятиям. Кроме географии, она вела у девочек домоводство: учила нас готовить, шить, накрывать стол, консервировать. Эти уроки доставляли мне удовольствие, особенно когда получался результат – сшитый фартук или блюдо, приготовленное своими руками. Когда мы перешли в восьмой класс, ей пришел вызов, и она вернулась в Союз. Мне очень ее не хватало, и я долго скучала по ней. Валентина Андреевна учила нас, как должны вести себя девочки, и считала, что когда при походке колышется юбка, это смотрится очень красиво. Конечно, она была права. Взрослея, мы сами приходили к этому, но тогда, впервые добравшись до всеми обожаемой джинсы, мы и видеть, не хотели другой одежды, кроме брюк и рубашек. В школу, конечно, ходили в форме, которую покупали, выезжая на отпуск в Союз, однако длина платья затем укорачивалась в соответствии с последними тенденциями моды. Все остальное свободное время непременно носили джинсы и балахонистый верх. Модные короткие стрижки и подобная манера одеваться превращали нас в нечто среднее между девочкой и мальчиком, но этот стиль был далек от современного «унисекса». Все равно, по фигуре и мане-

рам не трудно было догадаться, кто именно перед тобой стоит. Где-то к девятому классу я начала понимать, что женственность привлекает, притягивает мужчин гораздо больше, нежели простота и стремление показаться «своим парнем». У нас в классе была девочка Оксана, которая нравилась многим мальчишкам. На мой взгляд, в ней не было ничего особенного: маленький рост, совсем подростковое телосложение, проблемы с зубами. Только со временем я поняла секрет ее очарования – женственность, повадки пушистой кошки, полное отсутствие грубости и резкости, только мягкость и нежность. Возможно, она начала взрослеть раньше, чем мы, а может, сказывалось воспитание. Мои родители мечтали иметь сына, даже имя у него было – Алексей. Когда родилась девочка, ребенка переименовали в Ольгу, а в доме все равно звучало «Алешка». Во дворе я всегда играла с мальчишками, даже лучшего друга, соседа через стенку, звали Алексей. Вместе мы придумали установить телефонные аппараты: через окно протянули провод и болтали, как будто по телефону. Во дворе у нас были сарайки – места наших постоянных игр. Там мы возились с голубями, кормили собак или кошек, играли в прятки. Огромное желание родителей иметь сына повлияло на мой характер. Меня не воспитывали, как маленькую принцессу, не баловали, не лелеяли. Кто-то из великих сказал: «В детстве к ребенку нужно относиться как к королю, а когда он повзрослеет, как к другу, то есть на равных». В моем случае пришлось перенимать женские манеры и поведенческий опыт, глядя на людей со стороны. Возможно, если бы меня научила этому собственная мама, я совершила бы меньше ошибок на своем жизненном пути. Сегодня многих девочек воспитывают именно так, чтобы, подрастая, они обладали самостоятельностью, уверенностью в себе и чувством собственного достоинства. Чтобы развить в себе эти качества мне еще долго пришлось работать над собой, учиться быть «настоящей принцессой». В пятом-шестом классе мне нравились ребята постарше, но они меня не замечали, потому что интересовались либо другими сверстниками, либо девочками старше себя. Одноклассники же были еще такими детьми, что с ними мы только воевали. К седьмому классу ребята повзрослели, и мы начали обращать на них внимание. Впервые это стало происходить, когда мы, поддерживая интернациональную дружбу, стали ездить в другие школы. Эти поездки казались нам увлекательным приключением. Наш гарнизон находился в двадцати минутах ходьбы до железнодорожной станции, потом приходилось ехать около получаса до города Лейпцига, и еще минут двадцать на трамвае. Такое путешествие не могло нас не сблизить. Сначала это были шутки или дурацкие выходки, позже – попытки присесть рядом в электричке, медленные танцы на вечерах. В школе проводились дискотеки, новогодние праздники, летние зарницы, смотры строевой песни, праздники Победы с торжественными линейками у могилы погибших русских воинов и масса спортивных праздников. У нас не было клубов, секций, но школьная жизнь нас захватывала, скучать было некогда. Училась я хорошо, даже была заместителем председателя комсомольской дружины. Председателем стала подруга по классу Наталья, мужик в юбке. Она была лидером в учебе и общественной жизни, может, только в любви ей не очень везло, но «лидер» брала свое – ее успехам все завидовали. Наташа была умной и целеустремленной, жаль, я не знаю ее дальнейшую судьбу. Мне очень хотелось бы узнать о том, как сложилась жизнь у моих одноклассников, ведь все они были неординарными людьми. В седьмом классе я влюбилась в мальчика. Его звали Олег. Он отлично играл в баскетбол и нравился многим в классе. Я не помню, как завязались наши отношения, которые превратились к лету в настоящий роман. Мы виделись каждый день, ходили гулять к озеру, недалеко от гарнизона, где жутко целовались и прижимались друг к другу. Конечно, за рамки приличий мы не выходили, но как сладко кружилась голова от запаха друг друга, от чувства близости, от поцелуев, которые становились все больше похожими на взрослые. Это были первые ласточки просыпающейся сексуальности, но воспитание не позволяло давать волю чувствам, которые загонялись куда-то очень далеко и глубоко. Страх проявить свое я, искусственное притормаживание всех эмоциональ-

ных процессов привело к тому, что женственность открылась во мне очень поздно. Понадобились долгие годы, чтобы вытащить эти «запретные» чувства наружу, перестать стесняться проявлений своей сексуальности. Скорее всего, современные родители подвергнут критике мои слова, но я считаю, что лучше научить, как все сделать правильно, чем говорить, что это грязно и пошло, уходя, таким образом, от разговоров с ребенком на интимные темы. Наш невинный роман продолжался недолго. Скоро в классе появилась новенькая, дочь офицера. Она жила рядом с Олегом, они вместе возвращались домой, он стал проявлять к ней интерес. Я не стала предпринимать мер для спасения любви, и наши отношения пошли на убыль. В это время шла подготовка к очередному школьному мероприятию, и мы часто репетировали что-то на сцене офицерского клуба, рядом со школой. Там же по вечерам мы занимались аэробикой, подхватив это новшество, как только оно появилось на немецком телевидении. В офицерском клубе мы познакомились с «солдатиками», которые были старше нас лет на пять. Мы смотрели, как ребята из ВИА готовились к репетициям, слушали песни под гитару, вместе смеялись и увлеченно беседовали. Так я познакомилась с Колей, который крутил кино в клубе. Я бегала к нему в будку смотреть фильмы, только фильмы мы не смотрели, а целовались. Он был взрослый парень и, конечно, его нельзя было сравнивать с моим бывшим возлюбленным, который и целоваться-то не умел. Николай был небольшого роста, крепыш. Он наверняка хотел большего, но то ли боязнь, то ли хорошее отношение ко мне, его останавливали. Мы встречались в его клубной каморке по вечерам, когда было уже темно. Он показывал фильмы или готовил объявления, а я ему помогала. Когда в каморку заглядывало начальство, проверяя его, Коля прятал меня за большими афишами кино. Так было смешно и опасно. Конечно, наши отношения не получилось скрыть, обо мне поползли слухи. Ребята в школе не уважали тех, кто встречался с «солдатиками». Боязнь конкуренции, либо брезгливость, не знаю, что заставляло их давать такую оценку военнослужащим, но мне было наплевать. Вскоре Николай, отслужив свой срок, уехал в Союз. Вечер перед его отъездом мы провели вместе, проговорили почти до полуночи. Мама встретила меня со скандалом, а я ревела от одиночества, оттого, что рассталась с близким мне человеком. Утешение находилось все в том же клубе, куда мы с девчонками продолжали бегать по вечерам. У каждой из нас был свой воздыхатель, но вместе мы стали одной дружной компанией. В классе мы ни на кого не обращали внимания, да и на нас перестали давить разговорами о морали. Так мы мирно дожили до выпускного восьмого класса. У меня было безупречно красивое платье, сшитое вместе с мамой. Смотрелась я в нем превосходно, особенно на каблуках, выше всех мальчишек на голову. Выпускной вечер прошел без каких-либо происшествий, и наступили долгожданные каникулы. Мы с родителями рванули на юг, в Керчь. Впервые попав на море, я наслаждалась водой, солнцем, природой. Очарованность и красотой, на меня заглядывались взрослые мужчины, хотя сама себя я так высоко не оценивала. После моря была поездка на Урал, к бабушке, и долгожданное возвращение домой, в маленький городок. Еще на вокзале я обратила внимание на молодого человека, чуть старше себя, который тоже заинтересованно смотрел в мою сторону. В электричке мы сидели по разные стороны вагона, но украдкой наблюдали друг за другом. Высокий, мужественный, симпатичный, он сразу мне понравился. Каково же было мое удивление, когда первого сентября мы встретились на линейке в новой школе! Я увидела его и очень разволновалась, мне так хотелось, чтобы он стал моим парнем, чтобы все мне завидовали. Он тоже меня заметил, но был не из наглых, долго искал повод со мной познакомиться. Накануне одной из вечеринок, куда мне не хотелось идти, я получила сообщение от его друга – предел моих мечтаний ждет меня на свидание. Радости не было конца, меня собирали всей нашей дружной коммунальной кухней. На свидании я появилась в сапогах на каблуках, плиссированной юбке, красивой кофте... Мы бродили по парку в течение трех часов, разговаривая, изучая друг друга. Потом он проводил меня к автобусу, где сидел весь мой класс. Финал

был просто ошеломляющий – все девчонки завидовали, а мальчишки говорили о том, что я бросила Олега. Каждую перемену мы встречались, стояли в коридоре, держась за руку, вместе ходили в буфет. В буфете новой школы я узнала, что молоко может быть разным по вкусу: малиновым, клубничным, банановым, шоколадным. Выгодно отличаясь от сверстников ростом и телосложением, мой новый друг всегда покупал все первым. А я в это время чувствовала себя на высоте – не брошенной, а поменявшей надоевшего парня. Единственное, что огорчало, так это тот факт, что встречались мы только в школе. Как-то он приехал ко мне на ноябрьские каникулы, промерзнув и с трудом добравшись до нашего городка. Практически сразу ему пришлось ехать обратно, было очень поздно, и за него беспокоились родители. На всех общешкольных мероприятиях мы были счастливы, что проводим время вместе. Каждое утро я с огромным удовольствием ехала в школу, и с грустью возвращалась обратно. Я вспоминала каждую перемену, проведенную с Александром, и даже не обращала внимания на бывшего друга Олега и его новую подругу. Общие школьные дискотеки были для нас подарком, но они проходили слишком редко. А вместо скучных классных мероприятий мы гуляли по красивейшему городу Европы – Лейпцигу. Вечерами я продолжала посещать с подругами офицерский клуб, нам нравилось общаться с ребятами старше нас. Там я познакомилась с Андреем. Он занимался музыкой, писал стихи, был очень талантлив, мы стали часто проводить время вместе. В школе наша компания вызвала волну слухов и домыслов о нашем «безнравственном» поведении. Доказывать, что наши отношения с этими ребятами-солдатами были только платоническими, не было никакого желания. Слава богу, что родители нам доверяли. «Солдатики» всегда вели себя уважительно по отношению к нам, и, по своей наивности, я полагала, что так и должно было быть. Мне посвящались стихи, пелись песни – романтика!

Осенней пестрой краской наполнен полумрак,
Вечернею загадкой колдует старый парк,
А листьев пожелтелых не счесть со всех сторон,
И наша встреча вечером – нелепый, сладкий сон.
Я не пытаюсь добавлять в сценарий краски,
Не строю сцен влюбленности, страстей,
Но почему-то оказался в сказке, во власти обаяния и красоты твоей.
Но мне друзья твердят уже давно, что времена Аленушек прошли,
Что только в сказках торжествует правда и добро,
А в жизни – лицемерие, и нет любви.
И каково же было восхищенье, увидеть Вас, Аленушка, в XX веке!
Ведь в наше время редко видишь воплощенье античных идеалов
в человеке.
И милая улыбка, обаяние лица, певучий голосок и мягкий взгляд
Пленили в древности влюбленного стрельца,
Пленят сейчас всех молодых ребят.
Впервые в жизни не могу найти ответ на мучивший меня вопрос:
Остаться верным старому сюжету, и той тоске,
К которой сердцем так прирос,
Или отвлечься от былых раздумий, влюбиться, словно в детстве
в красоту,
В девичью неприступность, робость поцелуев,
В таинственное, тихое: «Люблю»?
Пишу, и сам себе смеюсь.
Мечты, мечты! Где ваша сладость!
То, что ушло, назад уж не вернешь.

Теперь влюбленность превратится только в шалость.
Как жаль, однако же, как жаль, что мне сегодня не шестнадцать.
В душе тоска, не возратить мальчишечью мораль,
Когда все в прошлом, и когда за двадцать.

Эти стихи были написаны в день нашего знакомства. Такого удивительного человека, как Андрей в моей жизни еще никогда не было, и я очень ценила эти отношения. Меня любили, я позволяла себя любить. Все мои мысли были о том, с кем так радостно было провести даже школьную переменку, а здесь, в клубе заполнялось вечернее временное пространство до начала нового школьного дня. Немного непривычным казалось это странное чувство блаженства, осознание того, что тебя просто любят, и ничего не хотят взамен. Все так красиво: стихи, вздохи, признания...

Часть 5

В декабре военную часть, где служил мой отец, перевели в другой гарнизон, а я оставила часть своей души в двух близких мне людях – Александре и Андрее. Расставание проходило тяжело. Как мне не хотелось уезжать из любимого городка! Сколько всего было с ним связано – прогулки, вылазки в новые места, летние заработки сбором клубники. Мы собирали яблоки, черешню, груши, а на заработанные деньги обязательно покупали обновки. Осенью и весной мы ездили на Лейпцигские ярмарки, известные во всем мире, – меняли русские сувениры на импортные ручки, пакеты, жвачки и другие товары. Уезжать не хотелось, и даже то, что многие одноклассники переезжали вместе с нами, меня не радовало. Здесь оставалась часть меня. Долгие годы потом мне будет сниться наш городок, школа, стадион, клуб, друзья, любимые и близкие люди. Андрей посвятил моему отъезду следующие строки:

Как мне сегодня грустно, отчего?
И этот снег какой-то сумасшедший,
гитары звук плаксивый, безутешный.
Как мне сегодня грустно! Отчего?
Всего лишь миг назад все было просто и занято,
всего лишь миг назад...
Но что произошло? И струны стонут от аккордов,
гитара издает тоску,
И за окном все дребезжит от ветра и моторов,
Слеза печально капает на тонкую струну.
И в зале лишь зажжен дежурный красный свет,
И сцена в полумраке кажется бездонной
И я сейчас пою для тех,
кто не поймет моей печали томной
Нет! Песню не для них пою,
А для тебя, которая не слышит, которую люблю,
Но быть с которой вместе не могу,
и за которой вслед не побегу...
В твоём я взгляде прочитал: «Прощай, я уезжаю»...
В последний раз я взглядом провожаю,
Как ты уходишь по ночной аллее
подобно милой, удаляющейся фее.
Не обернешься ты, и не пойду с тобою я,
Не подарю цветы, и ты не скажешь: «Я твоя».
Мы разминулись в этой жизни быстротечной,
Так же нелепо, как познакомились при встрече.
И не создавшийся роман, ни по твоей, ни по моей вине
Оставил мне лишь только сладостный дурман,
и память о счастливом дне,
Который свел нас вместе в этом мире,
и дал вдохновение к забытой лире,
Оставил мне бумагу и перо, тоску о том,
что все ж таки не написал его.
Прощай! Хоть не было меж нами ничего,
и быть-то ничего и не могло,
Прощай! Но что-то сердце обожгло,

и что-то в нем произошло.

Оба моих кавалера писали мне письма. Конечно же, письма Андрея впечатляли своим содержанием. От Александра письма стали приходить все реже, и в итоге переписка сошла на нет. Андрей потом демобилизовался в Союз, еще писал с гражданки, но жизнь в Самаре закрутила его, и мы потеряли связь. В последние дни перед отъездом, когда было очень грустно, мы часто разговаривали с мамой. Я делилась с ней самым сокровенным, и она всегда находила время выслушать меня, побыть со мной рядом. Иногда мы ходили вдвоем в лес за ягодами или грибами. Собирали ежевику, потом, исцарапанные колючими ветками, шли домой с полными ведерками ягод. Первые весенние цветы ветреницы устилали весь лес, который превращался в настоящую сказку, я любила всей душой эти красивейшие пейзажи. Часто в детском садике, где мама была заведующей, проходили праздники. Садик находился в большом немецком доме, вроде загородного коттеджа. Иногда я бродила по его комнатам, витым лестницам, и представляла, что я в своем загородном доме. Он был огромный – два этажа и мансарда. Воспитываясь в коммунальных квартирах или хрущевках, о такой роскоши можно было только мечтать. Расставаясь со всем этим, я уезжала с болью в сердце и чувством искреннего протеста той новизне, которая меня ждала. Мы переехали в современный городок под названием Альштедт, находившийся в трех часах езды от Лейпцига, ближе к западной границе. Нам дали современную квартиру на пятом этаже с необычной планировкой и евроокнами. Тогда мы понятия не имели, что это за конструкция, когда поворотом ручки можно открывать окно под любым углом. В квартире было две комнаты и кухня, в которой можно было только готовить. Ели мы в зале, так как вчетвером на кухне невозможно было разместиться. Вместо ванной была душевая кабинка, но мне очень понравилась новая квартира. Большинство домов были новыми, их только что сдали для нашей военной части вместе с современной школой и новым спортивным залом. Появление небольшой, но очень яркой компании девочек-девятиклассниц не осталось незамеченным в новой школе, это было событием года. Симпатии распределились в нашу сторону, и начался период бурных ухаживаний за нами местных мальчишек. Новый период моей жизни скоро вытеснил все старые воспоминания и тоску. К счастью, я сразу же влилась в школьную жизнь, избежав тяжелого и долгого процесса адаптации. Новые учителя были хорошими специалистами, но все-таки интерес к предметам во многом зависел от преподавателя. К примеру, учительница физики была первоклассным педагогом. Она так объясняла материал, что все схватывалось на лету, была справедлива, умна и всегда находилась в центре всех школьных и классных событий. Она никогда превозносила свой предмет, преподавала отлично и с нас спрашивала по совести. Мы очень любили учителя физкультуры. Он умел интересно организовать урок. Никто не прогуливал, ссылаясь на плохое здоровье, скорее наоборот, старались всегда приходить. Вместо клуба у нас теперь был большой, просторный спортивный зал, и мы с удовольствием посещали секции волейболу и баскетболу. Праздники и чаепития устраивали у подруги Гали всем классом. Один раз собирались даже у меня, хотя было тесновато. Чаще всего мероприятия проходили непосредственно в школе. Мою новую любовь звали тоже Олег, он был одним из самых заметных парней нашего класса. Приехавшие девушки не могли не привлечь внимание мальчишек, поэтому отношения с одноклассниками по началу у нас не ладились, но потом мы подружились. Мы с подругой Натальей заняли руководящие места в дружине и пользовались, если не всеобщей любовью, то уважением точно. Новая школьная жизнь целиком захватила меня, я все меньше скучала по старому городу. Зимой играли в снежки, катались с горы на санках. Даже несмотря на теплый климат, снега хватало насладиться зимними забавами. Свидания с Олегом проходили в подъезде или дома. Мы сидели на последней парте, держась за руку и думая скорее о наших нежных чувствах, чем об учебе. Хорошо, что это не сказывалось на успеваемости. Подарком на окончание девятого класса была поездка в Берлин, которую я проспала. Это было ужасно! Мало

того, что родители не услышали звонка будильника, так еще и подруги не зашли, они просто позвонили по домофону, и побежали на автобус. Когда я пришла, все уже уехали, меня никто не стал ждать. Весь день я ревела от обиды и не могла дожждаться их приезда.

Хорошо зарабатывать в гарнизоне могли только жены офицерского состава (мало того, что их мужья получали больше моего отца раза в два-три), а женам прапорщиков и технического персонала платили очень мало. Скоро выход был найден: женщины съездили в ближайший городок и договорились с немцами на сезонные работы. У нас была бригада из семи человек взрослых с детьми. Отправляться на работу было опасно и потому увлекательно. За нами приезжал вахтовый автобус, останавливался в лесу, и мы сползались туда со всех домов, как партизаны. Вставали очень рано, чтобы в шесть утра быть уже на работе. Нас привозили на объект, где мы начинали в прямом смысле этого слова, пахать. Сначала прополка, потом в зависимости от сезона – сбор ягод, вишни, яблок, огурцов и так далее. Заканчивали часов в двенадцать, после чего нас кормили горячим вкусным обедом, выдавали зарплату и развозили по домам. Детям платили наравне со взрослыми, по тридцать марок в день. Получалось так, что мы с мамой зарабатывали больше папы. Конечно, отца вызывали в политотдел, предупреждали, что из-за этой подработки, мы можем выехать досрочно. Работа у немцев считалась недостойной народа победителя. Сперва, конечно, нас, нарушителей, нужно было поймать с поличным, а это было непросто, и вскоре на наши вылазки попросту закрыли глаза. Работа нравилась еще тем, что она была не такой тяжелой, и тем, что отношение к нам было уважительным, ведь работали мы на износ и качественно. Днем я отсыпалась и скоро была готова к другим подвигам, уже личного характера. Мы ездили загорать и купаться в немецкую деревню, в искусственный бассейн, где отдыхали и знакомились, используя полученные в школе языковые навыки. Проработали мы все лето. Мама купила себе и мне по натуральной шубе, немного заграничных вещей и даже спальный гарнитур. Нам очень не хотелось уезжать, но отец только и мечтал о скорейшем возвращении в СССР. В ызов пришел нам в конце осени, когда я училась в десятом классе. Пока оформлялись документы нашего сменщика, я мечтала доучиться и побывать на выпускном бале вместе со своим классом. Попасть за границу хотели многие, поэтому документы не заставили себя долго ждать. Мы с мамой плакали и видели сны, как остаемся там или возвращаемся за границу: так не хотелось уезжать. И снова мне приходилось оставлять часть себя с друзьями и школой, которую я так сильно любила.

Часть 6

Мне пришлось вернуться в ту самую школу, из которой пять лет назад я уехала с таким удовольствием! Можно было переехать в любой другой город страны, кроме Москвы или Петербурга, но папа выбрал историческую родину. То, что довелось мне испытать по возвращении домой, сложно передать словами. 1987 год. Карточная система. Отсутствие на прилавках магазинов даже необходимых товаров. Километровые очереди за любым выброшенным дефицитом. Складывалось такое впечатление, будто из рая мы попали в настоящий ад. Ненавистная школа с учителями-самодурами, недалекие одноклассники, отставшие в своем развитии лет на пять, грязный гарнизон, отрезанный от города, и огромный душевный дискомфорт. Я была обижена на весь мир: на большое начальство отца, что отправило нас обратно, на руководство страны которое довело экономику до полного упадка, на людей, не видевших в жизни красоты и потому не умеющих вести себя иначе, чем серая безликая толпа. Я ненавидела все вокруг. Мне предстояло привыкнуть к новым преподавателям, которые вели наш класс уже более двух лет. Я вернулась в свой бывший 10 А класс, где половина ребят были мне уже незнакомы. К счастью, в мой класс вернулась девочка, прожившая пять лет с родителями в Венгрии, с ней я и подружилась. С другими мне было сложно найти общий язык. Парни отставали в развитии, девчонки были продвинуты в другом: курево, выпивка, мат, секс. На их фоне мы казались белыми воронами, существами, прилетевшими с Луны. Учителям ничего не было нужно – они устали от старшеклассников, которых интересует все что угодно, кроме учебы. Кто-то из преподавателей просто отчитывал урок по учебнику, другие старались вызвать хоть какой-то интерес к теме. Одна же особа отличалась редким самодурством. Она преподавала как в вузе – что успел записать, то и твое. В то же время ответ она требовала полный, соответствующий ее лекции. Свое мнение высказывать было нельзя, так как оно априори считалось неправильным. У нее были любимчики, в основном, мальчики, посещавшие ее театральный кружок, только они имели приличные оценки. Остальные ученики для нее просто не имели лица и уж тем более не могли претендовать на свое мнение по какому-либо вопросу. Благодаря ей, в аттестате у меня появилась единственная тройка по литературе. С физкультурой также возникли трудности – нужно было сдавать кросс на лыжах, а я на них лет пять не стояла, ведь за границей у нас не было никаких норм ГТО. Остальные дисциплины не вызывали особых проблем. Отношения с одноклассниками так и не установились – я так и осталась для них чужой, но опускаться до их уровня, я не собиралась. Когда пришло время выпускного, я искренне радовалась, что все закончилось и мне больше не придется общаться с одноклассниками. Друзья из Альштедта прислали мне фотографии и письма, рассказав в них, как здорово прошел их выпускной. Мне же оставалось грустить и жалеть о том, что меня не было рядом с ними. Дни в моей памяти, наполненные радостью и счастьем, моментально стирались бытом и неустроенностью советского режима. Привыкнув к хорошей пище и вещам, я тосковала и во сне видела свое возвращение домой, за границу. Если одежды еще хватило на несколько лет, то с едой дела обстояли хуже. Талонов, выделенных в месяц на четырех человек, с трудом хватало на два дня, после чего опять наступала тоска и голод. Я просто мечтала о колбасе, вспоминая огромные прилавки с разнообразием деликатесов, и быстро возвращалась к реальности, наблюдая в магазинах голые полки с зелеными трехлитровками помидоров. Мое желание наестся было настолько сильным, что Бог послал нам мамину подругу, работавшую в мясном цехе. Мы покупали у нее колбасу и каждый раз с нетерпением ждали очередной. Даже тогда, когда я чем-то отравилась и мне нельзя было употреблять в пищу ничего жирного, я все равно набросилась на мясо, отсрочив свое выздоровление еще на день. Очереди в магазинах были за всем. Люди отстаивали в них многие годы своей жизни: за сгущенкой, тушенкой, венгерскими

компотами... Плотно прижимаясь друг к другу, они двигались к заветной, съедобной мечте, и не дай Бог, если она заканчивалась! Мысли о еде занимали почти все время, но нужно было думать, куда пойти учиться после школы. Особых пристрастий в плане профессии у меня не было, оставалось смотреть на выбор других и следовать чужому примеру. Сначала я посещала курсы. Мы несколько раз в неделю ездили с одноклассницей в политехнический институт на физику. Но очень скоро я поняла, что это не мое. В то время я дружила с парнем с Западной Украины. Он часто приходил ко мне домой, познакомился с родителями. Правда, я очень стеснялась отца, так как вечерами он чаще всего был нетрезвым, и ему всегда хотелось в эти минуты с кем-то поговорить. Однажды Сергей просто перестал приходить, отвечать на мои звонки и, вообще, попадаться мне на глаза. Я не знала истинной причины, поэтому переживала и мучилась, пока не поняла, что он просто пользовался выгодной ситуацией: теплый прием каждый вечер, ужин, трепетное отношение. Еще много времени уйдет у меня на переживания и мысли о том, что мне не везет, потому что я и моя семья не такие, как все. Я долго не могла осознать, что если нравишься ты, то не будут смотреть на родителей, дом, в котором ты живешь, а просто будут любить тебя такой, какая ты есть. Если человек думает, что он самый лучший, и все, что его окружает, – верх совершенства, то и результаты, окружение, отношения станут неординарными, исключительными. В первую очередь нужно очень сильно полюбить себя. Если же копаться в себе, выискивая недостатки, то и другие будут видеть только негатив и относиться соответственно. Выбирая специальность, я решила остановиться на экономике. Несмотря на отличные знания по математике и геометрии, все предметы я сдала на тройки. Пришлось идти в экономический техникум, где работала наша знакомая. С ее помощью сдала экзамены на «хорошо», и была зачислена на специальность «бухгалтерский учет». Последнее лето перед взрослой жизнью мы проводили празднично: ездили каждый день загорать на озеро, отдыхали, развлекались. Обычно из городка я выезжала только с родителями, но приехавшая в гости сестра, уговорила выбратся на дискотеку в город. Одевшись соответственно случаю (яркие юбки, начес на голове, колготки, каблуки), мы отправились в один из городских районов. Добраться до парка, в котором проходило мероприятие, мы не успели. Нас схватили какие-то отморозки и потащили в машину. Сестра пыталась сопротивляться, и тут же ее ударили в живот. Меня схватили за волосы, и я в ужасе подчинилась, даже не пытаюсь постоять за себя. Я никогда не была в такой ситуации: ужас буквально парализовал меня. Эти отморозки оказались местными бандитами, наводившими ужас на весь город. Нас они везли на какую-то квартиру, надеясь порезвиться. Оставаясь девочкой в свои восемнадцать лет, я была жутко напугана, не знала что предпринять. Быть избитой мне казалось страшнее, чем изнасилованной. Судьба сжалилась над нами, у бандитов внезапно появились дела и им пришлось взять нас на встречу. Сначала я пыталась внушить одному из бандитов, что я еще девчонка, и это чревато последствиями. Когда я поняла, что он мне не верит, перешла к другой тактике. Я начала вести себя «повойски», хотя страх сковывал тело. Я предложила не спешить и позже, встретившись, провести вместе день в более расслабляющей обстановке. Он мне поверил, и мы договорились о встрече. Почувствовав, что опасность миновала, я посмотрела на этого человека совсем по-другому. Похоже, этот парень весь состоял из комплексов, решая при помощи агрессии свои проблемы. Если на первый раз все обошлось, то второго мы уже не допускали, ездили только в центр, и всегда небольшими компаниями, так было более безопасно. Как-то в автобусе я познакомилась с боксером. Вот он мне понравился! Такие парни в девяностых были самыми популярными. Он наводил ужас на любого, с ним нигде не было страшно. Одет по последнему слову моды: крутой спортивный костюм, бейсболка, футболка «Lacoste». Он сам продавал одежду, фарцевал и работал в нашем городке сверхсрочником. Мы встречались каждый день по вечерам, а строгая мама сразу навела справки и через общего знакомого узнала, что он был женат и у него есть дочь. Этот факт послужил основанием запрета

на встречи с ним. Мол, сделает мне ребенка и оставит одну. Мама очень боялась за меня, считала, что мужу я должна достаться девочкой. В общем, она добилась своего, и вместо того, чтобы открывать в себе женщину, я все больше прятала свои ощущения. Мне очень нравился Артем, он был нежен, обходителен, но я так боялась отдаться ему, что не разрешала предпринимать никаких действий. Возможно, он и сам это понимал, а потому берег меня. Однажды, собираясь на свидание, я надела свое лучшее белье. Мы долго целовались, но не более того. Дома же меня ждал настоящий скандал по поводу отношений с Артемом. Доказывать обратное, если тебе не верят, было бесполезно, и только моя решимость пойти с мамой к врачу убедила и ослабила ее натиск. Так мы встречались до самой осени, когда я уже начала учебу в техникуме. Ездить приходилось очень далеко, на дорогу уходило полтора часа, но учиться мне нравилось. Атмосфера техникума сильно отличалась от школы. Уважительное отношение со стороны преподавателей (совсем на равных), свободная форма одежды, что позволяло демонстрировать собственный стиль.

Часть 7

Мне всегда нравилось красиво одеваться. Я до сих пор не могу понять, почему не выбрала другое направление в жизни, возможно, со временем превратилась бы в известного дизайнера. Тогда же я просто стала одной из главных модниц нашего техникума. Классный руководитель была худенькой, подтянутой и стильной женщиной с безупречным макияжем и прической. Она стала для нас эталоном женственности и очарования. После уроков информатики, которые она преподавала, мы часто беседовали о стиле, одежде, о том, какой должна быть женщина. Как-то она сказала нам «Девочки, купите на стипендию весы и следите за весом. Легче сбросить двести граммов, чем три килограмма лишнего». Тогда для меня это стало правилом жизни, я всегда стремилась совершенствовать себя. Учеба не вызывала трудностей, все давалось легко, и скоро я стала старостой группы. Мероприятия внутри техникума носили празднично-женский характер. Это были конкурсы красоты и показы мод. Многие девчонки жили в общежитии, и я иногда оставалась у них ночевать. Попасть в общежитие было не просто, приходилось заходить большой гурьбой и в какой-нибудь знакомой для вахтерши одежде. В общаге мне нравился дух сплоченности, единства, когда, например, все вместе жарили картошку и так же вместе ее съедали.

Брат одной из моих подруг учился в автомобильном училище, куда мы ходили знакомиться, даже несмотря на конкуренцию со стороны городских девушек. Встречи с Артемом стали редкими. Пожалуй, только запрет мамы поддерживал наши отношения. Мы договаривались с ним о встрече заранее, и когда что-то менялось, он отправлял ко мне посыльного. Однажды, Артем попросил заглянуть ко мне знакомого курсанта, чтобы он предупредил меня о времени встречи.

В это время у меня во всю шла уборка, и я с тряпкой в руках открыла дверь. Какого же было мое удивление, когда я увидела красивого, высокого парня в кадетской форме. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, а потом он передал просьбу Артема. Курсант мне очень понравился. Он был по-мужски красив и обаятелен. После этого мы не виделись, но я постоянно думала о нем. Артем все чаще уезжал куда-нибудь по делам, и мне приходилось развлекать себя самой.

В один из субботних вечеров я встретила знакомого курсанта на очередной дискотеке: это был наш шанс. Мы провели вместе вечер, и он спросил, можно ли ему прийти ко мне в гости. Я согласилась. Так начались отношения, подогреваемые старанием сохранить тайну. Я стала избегать встреч с Артемом. Он заподозрил неладное. И однажды все открылось. Он стал выслеживать меня, встречать после техникума, писать в записках угрозы. Даже родители были вынуждены вступить и попросили его оставить меня в покое. Тем временем отношения со Стасиком набирали обороты. Мама была довольна. Конечно, он мне нравился, но о замужестве я совсем не думала. Мама часто напоминала мне, как тяжело я всегда переживала расставания, предупреждала, что когда начинаешь выбирать, рискуешь остаться в девках или выйти за первого встречного. Парень был самый подходящий.

Стас отлично относился к моим родителям, особенно хорошие взаимоотношения сложились у него с мамой. В это время приближался конец учебы в техникуме, мы выходили на диплом, нужно было строить дальнейшие планы. Я сообщила ему, что остаются в городе только те, кто замужем, остальные разъедутся по нашей многострадальной Родине поднимать ее экономику. Это сработало, и он предложил пожениться. Его родителям о своем решении мы сообщили по телефону. Они порадовались, хотя их смутило то обстоятельство, что он тогда учился на третьем курсе военного училища и не был готов содержать семью. Мама была счастлива, что отвела меня от прохиндея Артема и что я выхожу замуж, да еще за такого красавца.

Свадьба была назначена на 26 февраля. Все было расписано и запланировано заранее. Особая справка, выданная молодоженам, обещала священное право пользования магазинами для новобрачных, поэтому обручальные кольца посчастливилось купить быстро. По той же справке, «брачующимся во времена тотального дефицита» отпускалось шампанское (не больше ящика!) и дежурные улыбки ударников социалистического труда, стоявших за полупустыми прилавками.

«Ольга, не хорошо это, не к добру...», – участливо вздыхала мама. Она не была суеверной, в церковь, как и положено нормальному советскому гражданину, не ходила, да только было что-то пугающее в моем решении одолжить платье на свадьбу у подруги. Родители привезли жениху костюм, и усилия семьи по экономии средств позволили заказать кафе на пятьдесят человек, да еще с обильным столом.

К одиннадцати часам дня мои темные кудри увенчала прическа с цветами, а на тонкую девичью фигурку были надеты все полагающиеся советской невесте атрибуты – белое платье, фата и, конечно, перчатки. Церемония прошла быстро: родители всплакнули, гости поздравили. Только во время поездки случилась неприятность с машиной, но на такие мелочи, как и полагается на счастливой свадьбе, никто не обратил внимания. Утром молодоженов встречали на квартире родителей. Не понимаю, почему у нас, русских, отмечают два дня свадьбы!? От одного так устанешь, столько забот и хлопот, так нужно два отметить!

В понедельник я появилась в техникуме уже замужней. Девчонки смотрели фотографии, кто-то искренне восторгался красотой молодоженов, кто-то просто молчал. Но я не обижалась, почти все из них были не замужем и мечтали вот так же принести свадебные фото, отвечать на многочисленные вопросы, принимать поздравления и просто быть счастливыми. После мартовской сессии у меня наступали каникулы, и мы запланировали свадебное путешествие. Поскольку раньше за границу отдыхать не выезжали, то было выбрано западное направление. Белоруссия и любимый город Брест, с которым у меня было связано множество воспоминаний. К тому же, там всегда можно было «отовариться» – именно в Белоруссии можно было купить вещи из Польши.

Часть 8

В Бресте жила мамина подруга тетя Маша и моя бывшая одноклассница Галина. Город встретил солнечной погодой и шумным вокзалом. Тетя Маша поселила нас у себя на целую неделю. Время летело незаметно. Мы гуляли по старинному городу, я просто влюбилась в Брест, его широкие проспекты, странную архитектуру. Особенно нравилось нам гулять со Стасом. Мы шли с ним по улице, и, казалось, что окружающие заглядывались на нас, особенно девушки. Смуглый, высокий, черноглазый красавец явно производил впечатление иностранца и привлекал всеобщее внимание. Я держала его за руку и чувствовала себя обладателем вожденного приза. Мне вообще приятно было держать его широкую ладонь, приятно чувствовать, что он сильный и смелый, способен оградить и защитить меня от чего угодно. Мне удалось отыскать Галину, которая тоже собиралась замуж. Вместе с ней мы вдоволь наболтались по барахолкам, купив на сэкономленные деньги заграничных вещей. Экскурсия в Брестскую крепость была оставлена на последние дни. Погода выдалась приятная. Всю дорогу в экскурсионном автобусе мы весело болтали со Стасом и разглядывали окрестности. Город я полюбила, он казался таким живым, органичным, теплым. Особенно поразило меня количество и разнообразие церквей. Именно в Бресте я в первый раз попала в «храм господень». Меня привел туда Стас. Для меня, как и для многих других, церковь никогда не была отвергаемой или принимаемой, ее просто не существовало. Не существовало до того момента, пока я не оказалась в тихом и пустом церковном зале, так и не двинувшись дальше, я просто осталась стоять за спиной Стаса, который подошел к иконам. Я не понимала тогда, что делает и говорит мой муж, но мне казалось, что происходило что-то торжественное, очень важное – поэтому я не задавала вопросов и тихо наблюдала. Когда мы вышли, я не удержалась и все-таки спросила мужа о том, что он делал. «Просил у Бога сына», – ответил Стас, и на этом обсуждение было закончено. Позже вся группа отправилась к памятному мемориалу. Я смотрела на развалины крепостных помещений, рядом стоял Стас и напряженно слушал экскурсовода: «За мужество и стойкость советских воинов во время Великой Отечественной войны Брестской крепости присвоено почетное звание «Крепость Герой» и вручены орден Ленина и медаль...». Какую именно медаль присвоили Брестской крепости, я тогда услышать не успела. Воздух вдруг стал каким-то густым, тягучим. Мне стало трудно дышать, в висках застучало. Почувствовав, что теряю равновесие, я ухватилась за руку Стаса. Потом повело, закружило. Вниз... Когда я открыла глаза, Стас крепко держал меня за плечи, в его глазах был неподдельный испуг. Срок мне поставили около месяца, начались будни будущей мамы – токсикоз. Рано утром я не могла завтракать, а если получалось, то вся еда сразу же выходила обратно. Дорога в техникум была не из легких, приходилось делать по две пересадки. Самым тяжелым было утро советского понедельника. Очевидно, после выходных народ брала жуткая досада, что надо идти работать, и он, этот народ, вымещал ее, на чем попало. На этот раз «попало» на общественный транспорт. Озлобленные долгим ожиданием троллейбуса, люди лезли в двери с хрипом и матом, не давая им закрыться. Проглоченная этим живым потоком, я втискивалась-таки между какой-нибудь засыпающей на ходу, грузной теткой и неопрятным мужиком. После бурных выходных многие еле стояли на ногах, но этот доблестный представитель рабочего класса точно бы выиграл «соцсоревнование» на самые большие мешки под глазами или самую опухшую рожу. Словно почувствовав, что ее обидели, «рожа» наклонялась ко мне и обдавала меня жутким запахом перегара. Я понимала, что к горлу подступает тошнота, и, протиснувшись сквозь возмущенных граждан, выскакивала из троллейбуса. Сырой и свежий ветер помогал мне прийти в себя, я оглядывалась и с мученической улыбкой отмечала, что на улице уже во всю хозяйничает весна... Близились окончание учебы и летние каникулы. Я оканчивала техни-

кум с красным дипломом, и трудностей с распределением у меня не возникло. Я выбрала очень высокооплачиваемую работу – целых 180 рублей в месяц. Это был областной центр по распределению пенсий и пособий. Ничего общего с бухгалтерией. Нужно было подбирать пенсионные дела по заявкам и относить в другой отдел. Скучно, да еще и не по специальности. Единственное, что радовало – хороший, хотя и бабский, коллектив. Работать оставалось не более трех месяцев. Мне уже пытались предсказать, кто у меня будет, прогнозы предвещали первенца мальчика. Я знала, что назову его Артемом, но на всякий случай придумала имя девочке – Оксана. Муж хотел парня, но я настраивала на дочь, чтобы меньше было разочарований. Стас, однако, твердо верил в наследника. Хотя какое там наследство... После свадьбы мы жили у мамы в двухкомнатной квартире. Я и муж – в одной комнате, родители и сестренка – в другой. Кухня шесть метров, комнаты по двенадцать и восемнадцать метров, маленький коридор, раздельный санузел. Непонятно для кого строились эти клетушки, но другого выбора не было. Снимать квартиру было не на что. Я получала 180 рублей, муж – стипендию военного курсанта. На эти деньги нужно было и себя прокормить, и родителям помочь. Достать что-то для будущего малыша было поистине «коммерческим подвигом». Коляска, кровать, пеленки и распашонки – все это готовилось заранее ввиду огромного дефицита. Мы с мамой несколько раз в день бродили по магазинам города. А дома появились первые проблемы.

Притирка характеров двух разных, хоть и любящих, людей проходила болезненно. Ссоры, которые невозможно было скрыть от остальных обитателей нашей маленькой квартиры, стали происходить все чаще. В такие дни домашние вели себя особенно тихо, словно чувствуя, что буря вот-вот разразится. Сестренка Наталья не показывала носа из комнаты. Отец хоть и переживал, но всем своим интеллигентным видом выражал отстраненность от семейных дел. Сдвинув очки на нос, он бродил по квартире, словно Кентервильское привидение. Только цепями не гремел, боялся нарушить такую непрочную тишину. Мама вздыхала на кухне. Скандалы следовали один за другим. «Я так больше не могу! Не выдержу!», – срывался на крик Стас и уходил на кухню. Кухня, будучи территорией мамы, была его убежищем, приютом. Мама, зная мой непростой характер, часто вставала на сторону мужа. Смягчив раздражение зятя, она отправлялась успокаивать дочь.

Я очень любила родных, мне не хотелось их расстраивать, причинять беспокойство. Рано или поздно примирение у нас наступало. Однако в голове постоянно вертелось, что я не красивая, ущербная из-за своего огромного живота. Стас стал меньше меня любить, или уже не любил совсем, старался меньше времени проводить дома. Нет, я этого не заслужила! И это самое кричащее, царапающее «нет» внутри меня, рано или поздно, приводило к новой ссоре.

Через полгода он уехал на практику в другой город, где базировалась его военная часть. Приезжал он только на выходные, тратя по три часа на дорогу. Я эти редкие встречи ценила и в такие дни старалась не ссориться.

Часть 9

Всю вторую половину беременности рядом со мной была мама. Мы с ней покупали распашонки, пеленки, коляску, кроватку. Дома всегда находились какие-то дела, и так постепенно приближался день родов. В ту пятницу я допоздна стряпала торт к приезду мужа, потом смотрела «Взгляд» с Владиславом Листьевым и уснула около часа. Проснулась от боли и разбудила маму, которая объяснила мне, какими должны быть ощущения и что они должны повторяться. С моими ощущениями совпадало. В палату я поступила около пяти утра. После осмотра врача меня положили в предродовую и сказали: «Лежать и ждать». Чтобы облегчить боль, я, вспомнив рассказы подруг, сначала ходила по коридору и растирать себе спину. Потом, когда уже начала засыпать, легла. Время шло медленно, я то проваливалась в сон, то, когда наступали схватки, жутко корчилась, стонала или вовсе переходила на крик. Стало невыносимо, но звать врача было бесполезно – многие в палате стонали, и подбегать к каждой никто не считал нужным. Когда же, наконец, про меня вспомнили, уже начались роды.

Боль, шок и какое-то замутненное сознание. Я ничего не слышала, перед глазами плыло, все получалось невпопад. Роды прошли естественно, но без последствий не обошлось: меня «зашивали», без наркоза, «в живую». Я, не понимая происходящего, чувствуя себя каким-то материалом, как могла терпела, убирала руки врачей. Малыш родился около десяти утра в декабре 1990 года. Спустя несколько минут мне показали, что родился мальчик, а потом его унесли на обработку. Мне же на живот положили холодную грелку и оставили в зале. Страшный озноб во всем теле, дрожь, жуткий холод. Я медленно приходила в себя, чувствуя мучительную боль. Санитарка, убиравшая в зале, вздохнула, проворчала что-то в адрес врачей и заботливо накрыла меня, замерзающую, одеялом. Так хотелось, чтобы рядом была мама, чтобы ее руки поправляли это одеяло, чтобы она тихонько сидела рядом, держала меня за руку и напевала какой-нибудь свой любимый старинный русский романс...

На следующие сутки малыша принесли мне на кормление. Я разглядывала его и постоянно думала о том, какой же он красавчик. «Самый-самый красивый мальчик на свете!», – мурлыкала я, целуя сына. Первое кормление обернулось адской болью. Грудь потрескалась и постоянно болела, просто не успевая зажить. Казалось, ныло все тело. По коридорам ходили сторбленные и еле передвигающие ноги женщины. Каждое утро им приносили на кормление малышей. Первые минуты я корчилась от боли, когда ребенок голодным ротиком начинал рассасывать грудь, а потом принималась рассматривать его чудное личико, гладила его черненький пушок рядом с ушками, касалась маленьких розовых щечек... Потом наступал черед мам: утренняя обработка йодным раствором, кварцевание швов, потом завтрак, отдых, обход врачей, потом опять кормление. К нам никого не пускали: так было «положено» – строгий распорядок и стерильность. Когда открылась дверь палаты и в комнату шагнул сияющий Стас, я не поверила глазам. Он пробрался в больницу под видом студента-медика, взяв белый халат на работе у мамы. Он обнимал меня и гладил по голове, а я, всхлипывая, жаловалась на боль, на то, как тяжело мне пришлось. Я видела, что ему было жаль меня, но понимала, что он даже представить себе не может, через что мне пришлось пройти. После этого я решила – в следующий раз муж должен быть рядом. Он был рад появлению на свет первенца-мальчишки. Сбылась его мечта. Увидеть малыша ему удалось только на седьмые сутки. Когда нас выписывали домой в морозный субботний день, он приехал за нами на «волге», привез красивый конверт малышу и модные джинсы мне, в которые я из-за боли не смогла влезть.

Так в нашей маленькой квартирке стало на одного человечка больше. Теперь жизнь семьи пошла на новый лад – все вертелось вокруг новорожденного. Первое купание, частые кормления, бессонные ночи – все это было для меня впервые, и я благодарила бога за то, что рядом была мама, которая как могла старалась облегчить дочери «радость материнства». В развернутом виде малыш был не так красив. Ножки и ручки ходили у него как на шарнирах, кожица была тоненькая, ближе к темненькой, волосики черненькие, пальчики малюсенькие. Купаться ему очень нравилось: теплая вода напоминала ему ту среду, которую он так недавно покинул. После купания он хватался за грудь и потом засыпал, посасывая ее как соску, которую не принимал никаким образом.

Первые три месяца были беспокойными. Его постоянно мучил живот, потому и спал он неважно. Мы часто трясли его на руках. В остальном, это был улыбчивый и замечательный ребенок. Он рано начал держать голову, потом сидеть, ходить. Мы обошлись бы и вовсе без болезней, но подвел живот, и мы загремели в инфекционную больницу. Правда, уже на следующий день мы оттуда сбежали под расписку о том, что всю ответственность я беру на себя. Такой жуткой обстановки, как там, я еще не встречала. Детки лежат одни, без мам, и ты просто вынуждена принимать в их жизни хоть какое-то участие. Медперсонал подходит к ним только чтобы дать таблетку или покормить. Остальное время ребенок сидит или стоит в кроватке и ревет. Вынести такое невозможно, и ты переодеваешь его, играешь с ним. Потом моешь руки, так как диагноз не установлен, и возишься со своим, которому нужна не меньше. Вынести подобный кошмар было невозможно. После этого я боялась больниц как огня. Только в крайнем случае соглашалась ехать туда. К счастью, мой малыш вскоре выздоровел. Папа приезжал к нам на выходные, радовал нас, привозил гостинцы, вещи мальчику. Эти дни проходили быстро и сменялись бесконечным ожиданием следующих выходных.

Наступила долгожданная весна. Вместе с ней просыпалась и я. После родов я очень быстро похудела и была в отличной форме. Молодая мамаша с удовольствием демонстрировала красавца малыша в коляске. Мне даже предлагали сделать фотосессию, но я отказалась. Сейчас я очень сожалею об этом, потому что больше такой возможности не представилось. Тогда мне казалось, что все еще впереди, все успеется. Низкая самооценка приводила к сценам ревности, когда муж приезжал на выходные. Меня все больше и больше смущало то, что он на большом расстоянии от дома, не обремененный ребенком и женой, может позволить себе все. Неопытность и молодость толкала меня на обиды, ревность. Хорошо, что мы расставались в выходные, а то эти ссоры и упреки могли продолжаться каждый день. В течение недели мои мысли были только о ребенке. Мы гуляли вместе, играли днем, спали в обед, готовили разные протертые супчики, и нам было хорошо вдвоем. Вечерами к нам присоединялась бабушка или сестра. Дни летели незаметно.

Часть 10

Наступила осень. Муж заканчивал учебу в училище, и нам предстояло переехать по распределению в другой город. Первоначально мы должны были ехать в Хабаровский край, но мама взяла инициативу в свои руки и с помощью знакомых выправила нам другое направление – Черляны, Львовская область. Выпуск состоялся в октябре. Красивые, статные офицеры в новой форме получали дипломы и маршировали по плацу, который в течение четырех лет был местом их ежедневных построений. Бросают монеты. Целуют знамя. Прощаются с курсантами и преподавателями, своими казармами, служившими им домом. Нашему сыну было тогда десять месяцев. На выпуск приехали родители Стаса. И вот мы вместе прохаживаемся по казармам, где наш папа-муж-сын отбывал свои четыре года учебы. Помещения эти представляли собой большие холлы без перегородок, в которых находилась спальня, место для занятий и уголок красного знамени. В спальне стояло штук пятьдесят кроватей. Как все курсанты могли засыпать одновременно, мне было непонятно. Видимо, привычка отключаться в любой обстановке воспитывалась годами. Вечером был выпускной бал в офицерской столовой, куда новоиспеченные офицеры пришли со своими женами и подругами. От счастья многие немного перепили, а в остальном, все было красиво и торжественно. Было грустно, что теперь они все разъедутся служить Отчизне. Многие из того выпуска попали на Дальний Восток, в Хабаровский край. Там каждый год набирали наибольшее количество выпускников. Нам, как обещали, помогли с распределением на Запад. Мы были счастливы: новая часть располагалась подо Львовом, где стояли истребители СУ-24. Стас должен был поехать туда первым, мы следом.

После выпуска нас ждал большой отпуск, и мы рванули на Сахалин, родину мужа. Время пути было огромным, только до Хабаровска – около шести часов лету. Оттуда на маленьком самолетике «ЯК» мы наконец-то добрались до острова.

Всю дорогу от аэропорта я не переставала восхищаться природой. Особенно поразили меня сопки, одетые красочным и пестрым лесом. Погода стояла теплая, сказывалось присутствие океана. Всюду сновали японские иномарки, однако сам город оказался провинциальным. Отапливался он преимущественно углем, поэтому везде лежал слой грязной пыли. Серые пятиэтажки, узкие улочки, двухэтажный дворец культуры на большой площади, центральный телеграф, много совдеповских магазинов, которые ничем не отличались от материковых, кроме присутствия ассортимента морепродуктов – это были первые «термопаки» с копченым филе красной рыбы и жирными брюшками тещи. На базаре продавались тушки горбуши по два рубля «за хвост», это значит за целую рыбину, Нам довелось попробовать котлеты и пельмени из свежей рыбы, корейские салаты, от которых все горит во рту, и пирожки из пельменного теста на пару с острой капустой... На Сахалине мы пробыли около месяца. Отдыхали, наслаждались природой, ездили на сопки, где открывался чудный вид на город, знакомились с друзьями и родственниками, ходили по гостям. Артемке было около года, и всем было интересно посмотреть на первенца и на молодую жену, которая пришлась Стасу по сердцу в чужом краю. Особенно я любила прогулки в порту. Мы даже побывали на настоящем корабле, где купили икры в жестяных банках. Ее продавали прямо на судне: без всяких разрешений и сертификатов товар расходился «по своим».

Мне нравилось постоянное движение, кипящая жизнь на судах, лязг и позвякивание кранов, смешные маленькие буксиры и, конечно, запах моря. Однажды нам на глаза попался большой пассажирский лайнер, отплывающий в Японию. Он сверкал чистотой и, что особенно запомнилось, моряки, протирающие перила, были одеты в красивую синюю форму и белые перчатки. Лайнер был, как в кино, а наяву он казался еще больше. Как только такие громадины держатся на плаву?! Удивительно! Месяц отпуска, казавшийся таким же боль-

шим, как белый пассажирский лайнер, пролетел быстро и остался точкой на горизонте моих воспоминаний. Сразу после возвращения домой Стас уехал на переквалификацию. Теперь мне снова приходилось ждать, только на этот раз к ожиданию добавилось волнение – ведь сразу после учебы муж уедет по распределению, и как только устроится, мне с сыном придется улететь к нему.

Жизнь продолжалась своим чередом, Артемке исполнялся год. Приближался декабрь, дни летели незаметно, и уже совсем скоро нам предстояло ехать к мужу. Даже перед самым отъездом никто не хотел верить, что этот момент наступит. Сборы проходили быстро, нужно было сообразить, что взять с собой на первое время, уложить вещи, купить билеты, отправить багаж. Самыми необходимыми посчитали кастрюлю трехлитровую, кипятильник, набор постельного белья, детскую одежду от ползунков до шубы. Естественно, что ни для каких моих вещей не оставалось места. Прилетела я в вязаной юбке и кофте. Так и ходила в них днем и ночью. О домашних вещах не было и речи. Устроились мы в гостинице, в номере около девяти метров. Там были две кровати, стол, шифоньер и небольшой закуток с мойкой. Горячей воды не было, и воду грели в трехлитровой банке. Днем мы с малышом ходили гулять до ближайших магазинов за молоком, а вечером прохаживались по коридорам гостиницы. Позже познакомилась с соседями – многие семьи офицеров, приехавшие раньше, уже успели «обжиться» в бытовом плане. Домашнего уюта нам не доставало, поэтому походы к кому-нибудь в гости были частым и чуть ли не единственным развлечением. Вечерами, когда укладывали спать Артемку, ходили играть в карты. Радионянь тогда не было, и молодые родители по очереди бегали к двери послушать: не проснулся ли сын. В очередной раз услышав тишину за дверью, я вернулась к друзьям. Когда же я снова пришла проверить сына, он ревел взахлеб. Я старалась его успокоить, но казалось, все было бесполезно. После этого случая мы старались больше не оставлять малыша одного. Ни телевизора, ни радио в номере не было, и мы либо занимались домашними делами, либо просто болтали о чем-нибудь, лежа на кровати.

Однажды, поставив банку с кипятильником на стол, мы легли, – как обычно, тихо беседовали. Когда вода закипела, я выдернула кипятильник из розетки и вернулась к мужу, а когда стала подниматься, зацепила шнур. Целая банка кипятка опрокинулась на мой живот, вода впиталась в вязаную юбку, в штаны. Через мгновение я начала с криком срывать одежду, но этих секунд оказалось достаточно для того, чтобы случился ожог второй степени с поражением двадцати пяти процентов кожи. Меня обернули в простыню, положили в одеяло и понесли в травмпункт, откуда увезли на машине скорой помощи в больницу

Часть 11

Болевой шок был настолько сильным, что я не помню, кто и куда меня нес. Только в больнице я осознала, что случилось. Попала я в хирургическую палату больницы небольшого украинского районного центра. Специальных палат для ожоговых не было, и я лежала под одеялом, перевязанная бинтами с фурацилином. Процесс перевязки происходил мучительно: меня пропитывали фурацилином, потом, когда ткань отмокала, снимали бинты, а кое-где и просто сдирали. Медсестра, как могла, успокаивала меня, называя «кисонькой», но боль была настолько нестерпимая, что приходилось цепляться за перевязочный стол и плакать. Муж сразу же вызвал маму, которая прилетела через два дня. Как они пережили первые ночи без меня, остается подвигом мужа и мамы. Ночью я кормила Артема грудью. Эмоциональным потрясением для всех стало мое отсутствие. Мой вид и мое состояние так расстроили маму, что у нее прихватило сердце. Она забрала внука, и через пару дней они улетели. Сына я увидела только спустя два месяца.

Время, проведенное в больнице, было кошмаром. Оставшись одна, без близких, я скучала, разглядывая толпы людей, которые приходили навещать соседей по палате. Моя медсестра, очень милостивая женщина лет сорока, читала мне Библию, иногда кормила меня домашней пищей, разговаривала со мной. Когда попадаешь в больницу, тебя начинают посещать всякого рода философские мысли, почему это случилось именно с тобой, за что такое мучение, какой грех ты искупаешь таким образом. В моем лечении использовалось только одно лекарство – фурацилин. Когда ожоги начали гноиться, добавили антибиотик. Мама привезла новое лекарство – винилин, но врачи даже не знали, как его использовать. Оно было тягучее, как смола, и подходило для нанесения на открытые участки кожи, но так как в палате постоянно находился кто-то из посетителей, такой возможности у меня не было.

Потихоньку затянулась кожа на ладонях, локтях, немного на животе, спине. Муж приезжал почти каждый день, дарил мне свою любовь и нежность, рассказывал новости. Ему также досталось кипятком, но незначительно. Стасик разрывался между работой и больницей. Его поддерживали наши соседи по гостинице, сослуживцы. Он привозил мне фрукты, соки – все, что смог купить, пока добирался до меня.

В это время политическая ситуация потребовала решить вопрос о принятии присяги и переводе полка в подчинение независимой Украине. Мы попали под распад СССР, и нужно было определиться, какой Армии будет служить мой муж. Остаться на Украине означало, что мы никогда не сможем вернуться домой, будем говорить на украинском языке, отправим ребенка в украинскую школу. Это был полный крах всех наших надежд. Мы решили уехать домой. Предстояло выбрать, где работать мужу. Впрочем, выбор был довольно скуден. Муж перешел работать в гражданскую авиацию, в аэропорт города Оренбурга. Видимо мой ожог охладил горячее желание жить на Западе. После Германии стремление вернуться к европейскому изобилию настолько засело в моей голове, что я заставила все вокруг ему подчиниться. Мама хлопотала о распределении, муж готов был служить стране, где бы мне жилось комфортно, а жизнь все расставила на свои места. Я каждый раз буду возвращаться домой, и только там со мной не будут происходить несчастья. Пролежав полтора месяца в больнице, я вместе с мужем улетела домой. Так разбилась моя мечта.

Дома нас ждали родные. Испытав трудности, пережив боль и разочарование, начинаешь по-другому относиться к дому, ценить минуты тепла, когда вокруг родные люди и стены. Стас практически сразу уехал на повышение квалификации, а мы снова стали жить с сынишкой. Мама очень любила внука и то, что они пережили, когда меня не было рядом, еще больше сблизило их. Когда Артемка остался без грудного молока, ему уже исполнился год и два месяца. Но стресс, перенесенный им, обернулся жутким отравлением. Он практически

умирал на руках у бабушки. Преодолеть и перенести это ей помогла любовь к нам. Оказавшись снова вместе, мы были счастливы.

Жизнь снова потекла в привычном ритме: мы ходили каждый день гулять, занимались домашними делами, встречали всех после работы. Кроме воспитания ребенка, заняться было нечем. Однажды встретив приятельницу, я узнала о том, что в экономическом вузе есть заочное отделение. «Почему бы и нет?», – подумала я, ведь у меня нет высшего образования. Узнав, где расположен вуз, я съездила и расспросила о вступительных экзаменах и сроках поступления. На подготовительные курсы не пошла, решив, что справлюсь сама. Поступлю, будет хорошо, не поступлю – не страшно, все равно я не была уверена, что смогу ездить на сессии с маленьким ребенком. План свой я хранила в тайне, так как боялась, что исход событий будет не в мою пользу. Готовилась я в редкие часы затишья, когда ребенок спал. По выходным мама отпускала в институт, решать старые варианты контрольных работ. Математика всегда мне давалась легко, и летом я была готова к экзаменам. Красный диплом техникума сыграл свою роль, и в сентябре я увидела свою фамилию в заветном списке поступивших. Мечта сбылась – это было начало большого пути под названием «высшее образование». Предстояло только сообщить об этом мужу, который был, конечно, не в восторге.

Осенью мы перебрались в Оренбург, на место новой работы мужа, который стал штурманом на пассажирском ТУ-134. Поселились в общежитии, в отдельной комнате двенадцати метров, с общей кухней, ванной и туалетом. Город был старинным, современные многоэтажки соседствовали с постройками 18—19 века. Еще Оренбург был растянут: ширину можно пройти пешком, а в длину надо было тащиться около двух часов на троллейбусе. Наша общага находилась в современном микрорайоне, ближе к окраине. Покормив сынишку и уложив спать, я готовила ужин, потом мы шли с ним гулять, а вечером ждали папу, если он не был в другом городе или на дежурстве. Когда приходил папа, смотрели весь вечер телевизор, либо занимались домашними делами, с которыми я не справлялась одна. В кино мы не ходили, так как не с кем было оставить малыша. Познакомившись с молодой парой, живущей этажом выше, мы стали ходить друг к другу в гости. Это была бездетная семья. Саша работал в аэропорту, а Наташа занималась творческой деятельностью. Большинство семей в общежитии были молодыми, поэтому мы дружили со всеми, правда, позже стали предпочитать людей своего уровня.

Однажды соседи по этажу пригласили нас на день рождения. Эта была рабочая семья с тремя дочками. У них собралась шумная компания из таких же «работяг». В то время я совсем не употребляла спиртных напитков, так что из предложенного предпочла самодельное вино. Не знакомые мне люди никак не могли понять, в чем «кайф» от такого выбора. Оценив ситуацию по-своему, они решили подлить водки в мой стакан. Посидев совсем немного, я почувствовала сильное опьянение, а наутро познакомилась и с похмельем. Тело не могло оторваться от кровати, жутко болела голова. Медикаменты не помогали. Только к обеду я смогла подняться и принять душ, но штормило крепко. И тут мне предложили старый, проверенный способ. Приняв стопочку отличного коньяка, я поняла всех людей, которые, перебив накануне, принимают «на душу» утром. Потихоньку приятельский круг определился, и мы старались не попадать больше на такие вечеринки. Жизнь потекла в своем привычном ритме.

Приезжая на сессии к маме, я старалась в свободные от занятий вечера вырваться из дома, словно восполняя нехватку развлечений. Девяностые годы ознаменовались началом расцвета частного бизнеса. Открывались магазины, рестораны, появлялись первые бизнесмены, выходцы из бандитов. Самыми посещаемыми были рестораны – «Лебедь» и «У камина», там все время гуляла либо «братва», либо администрация. Друг моей двоюродной сестры принадлежал к первой категории, и сестра знала многих в городе и часто вытаскивала меня в рестораны, где очень любила бывать. Денег не было, и мы заказывали

по бокалу шампанского и десерт, а потом она всегда встречала знакомых друга, которые рас-плачивались за другие потребленные нами яства. Многие пытались познакомиться, но кон-тингент явно не подходил по качеству, и я старалась отмалчиваться, не вступая в разговоры, а потом уезжала домой, или ночевала у сестры. Мама очень не любила наши совместные похождения, и всякий раз пыталась воспрепятствовать им, ссылаясь на то, что я бросаю ребенка. Мне не совсем нравилось ходить с сестрой, но так как другой возможности для посещения подобных мест не представлялось, приходилось довольствоваться и такой ком-панией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.